

Границы Европы

1.

Европейская культура большинством европейцев в разное время объявлялась культурой по преимуществу или культурой вообще, причем это ее первенство понималось в двух, не совсем совпадающих друг с другом смыслах. Согласно одному, все остальные культуры теряют рядом с ней значение и интерес; согласно другому, все, что есть хорошего в них, совпадает с тем, что есть хорошего в европейской культуре. В обоих толкованиях основное утверждение ложно, а для других культур к тому же и обидно, — потому ли, что отрицает их ценность, или потому, что отрицает их своеобразие. Однако, с точки зрения Европы, оно досадней во втором, ибо уничтожает ее органическую особенность, лишает ее личного бытия и тем самым превращает европейца в абстрактного всечеловѣка, «гражданина кантона Ури», которым никакой чего-нибудь стоящей челоѣкъ Европы никогда не былъ и быть не могъ. Чрезмѣрно расширять понятие Европы нельзя; но нельзя и сверх мѣры его суживать. Отъ расширения оно расплывается, отъ суживанія окостенѣваетъ. Ничто органическое нельзя растягивать, не считаясь съ законами его созрѣванія и роста; но и разрѣзать живое тѣло на части тоже невозможно, не подвергая опасности его жизнь. Въ обоихъ случаяхъ ошибка происходитъ изъ непониманія того основного факта, что Европа есть духовный организмъ, подобный духовному организму націи, а не система, которую можно автоматически распространить на физическое тѣло, разъ навсегда застывшее въ своихъ границахъ. Европа не безгранична, но границъ ей не можетъ указать ни территорія, ни раса, ни языкъ, ни какой-либо другой видъ частнаго или общаго историческаго предопредѣленія.

Историкъ, если онъ умѣетъ мыслить исторію, оправдаетъ скорѣе тѣхъ, кто Европу дѣлитъ на куски, дабы замѣнить ее однимъ кускомъ и отбросить остальные, чѣмъ тѣхъ, кто ее преждевременно тонитъ во всечеловѣчествѣ, потому что первые все же исходятъ изъ вѣрнаго чувства реальныхъ историческихъ единствъ, тогда какъ вторые пренебрегаютъ реальностью ради пустой абстракціи. Однако, и съ дѣлителями ему придется вести борьбу: на практикѣ они оказываются столь же вредны, какъ и ихъ антиподы. Ихъ пафосъ — огражденіе Европы отъ вторженія несомвѣстимыхъ съ нею силъ — ему понятенъ, но онъ понимаетъ также, что необдуманное усердіе въ борьбѣ ведетъ въ свою очередь къ умерщвленію живого, къ насильственной и ненужной вивисекціи. Всѣ три наиболѣе распространенныхъ разновидности хирургическаго метода ссылаются въ свое оправданіе на безспорные историческіе факты и заблуждаются вслѣдствіе гипостазированія частичныхъ правдъ. При разсмотрѣніи удобнѣе всего ихъ расположить въ порядкѣ возрастающей обоснованности. Назвать же ихъ можно теоріями германской, романской и романо-германской.

Германская теорія или сѣверная, какъ ее тоже позволительно называть, наименѣе оправдана, но и она основана на правильномъ усмотрѣніи фактовъ, которыхъ сторонники противоположныхъ воззрѣній большей частью не желаютъ признавать. Совершенно вѣрно, что сѣверный элементъ сыгралъ крупную роль въ созданіи европейской культуры, причѣмъ вовсе неслѣдуетъ приписывать ему расовый характеръ, въ біологическомъ смыслѣ этого понятія. Греки, какъ и италійцы, пришли съ сѣвера и принесли въ ту южную среду, гдѣ расцвѣло впоследствии ихъ творчество, несвойственныя этой средѣ черты. И снова, послѣ того, какъ создалась и завершилась древняя исторія, сѣверные «варвары» принесли въ средневѣковую культуру свои собственные потребности, энергіи, вкусы, несводимые къ греко-римскому наслѣдію, даже и преобразованному воздѣйствіемъ христіанства. Нельзя вслѣдъ за нѣкоторыми французскими учеными, зачеркивать «варварское» право, какъ низшее, по сравненію съ римскимъ, и выводить средневѣковое искусство изъ поздне-античной традиціи, закрывая глаза на глубокую его противоположность античному искусству вообще. Какъ бы ни объяснять происхожденія «Пѣсни о Роландѣ» и другихъ *chansons de geste*, нельзя не признать, что по своему ритму и строю, по всей своей художественной системѣ, они представляютъ самый рѣзкій контрастъ какъ греческому, такъ и римскому пониманію эпической поэзіи. Противоположеніе Сѣвера и Юга,

какое принято историками искусства школы Стриговскаго, грѣшить произвольными обобщеніями и насильственнымъ истолкованіемъ стилистическихъ различій, но основная интуція, на которой оно покоится, отрицанію не подлежитъ. Все дѣло только въ томъ, что неизвѣстно по какому праву этотъ сѣверный элементъ европейской культуры отождествляется съ ея цѣлымъ, объявляется подлинной Европой, въ противоположность другой, неподлинной, и вообще почитается самодовлѣющимъ единствомъ, тогда какъ все, созданное имъ, за самыми незначительными исключеніями, создано въ сотрудничествѣ съ тѣмъ другимъ, южнымъ элементомъ. Греческая культура не мыслима безъ своихъ іонійскихъ составныхъ частей, и римская еще больше обязана тому, что италійцы нашли въ Италіи и что занесли туда заморскіе этруски. Средневѣковые зодчіе создали великую новую архитектуру, но обучились строить зданія изъ камня все же слѣдуя античнымъ образцамъ, точно такъ же, какъ книжные иллюстраторы каролингской эпохи лишь копируютъ древнія рукописи усвоили мастерство, которое постепенно на учились примѣнять для воплощенія своихъ собственныхъ, непохожихъ на античныя творческихъ заданій. «Пѣснь о Роландѣ» написана все же на французскомъ языкѣ, въ которомъ германскіе элементы совершенно отстаютъ передъ латинскими. Сѣверная стихія по настоящему проявляла себя лишь тамъ, гдѣ вступала въ сотрудничество съ южной. Готическій стиль родился не въ Германіи, а во Франціи. Творческія силы самой Германіи проявились несравненно раньше и полнѣе въ южной, романизованной ея части, нежели въ сѣверной, сохранившей столь драгоценную нетронутость и чистоту. Плодотворно въ духовномъ мірѣ лишь сочетаніе противоположностей, а не сопряженіе подобнаго съ подобнымъ.

Вторая форма ущербленія Европы какъ бы въ зеркалѣ отражаетъ первую и столь же односторонняя, какъ она. Правды однако на ея сторонѣ нѣсколько больше, такъ какъ основой ей служить нѣчто еще болѣе очевидное, чѣмъ роль сѣвернаго элемента въ европейской исторіи, а именно наличие средиземноморскаго греко-римскаго мира, фундамента Европы, или лучше той первичной ея плазмы, безъ которой и помыслить нельзя дальнѣйшаго развитія. Правда, сторонники этой романской георіи не замѣчаютъ, что въ составъ древняго міра уже входитъ сѣверный элементъ; но все же Югъ, какъ цѣлое, легче взять за исходный пунктъ, чѣмъ Сѣверъ, такъ какъ онъ выступаетъ въ болѣе законченной исторической формѣ и въ Италіи, наприимѣръ, сѣверные элементы новаго, т. е. средневѣковаго

происхожденія, въ отличіе отъ древнихъ, большой роли не играли. Къ тому же и христіанство шло съ юга на сѣверъ, а не наоборотъ, прошло черезъ греко-римскій міръ, раньше, чѣмъ преступить его предѣлы, и это уже, само по себѣ, — фактъ огромнаго значенія. Однако, слишкомъ прямолинейные выводы и изъ этихъ истинъ столь же неукоснительно приводятъ къ лжи. При этомъ крайніе энтузіасты латинской Европы идутъ по двумъ путямъ: либо признаютъ европейскую культуру вообще лишь въ предѣлахъ Римской имперіи и ея наслѣдницы, католической церкви, либо соглашаются назвать европейской только культуру романскихъ народовъ, какъ непосредственныхъ наслѣдниковъ эллинизированнаго и христіанизированнаго Рима. Наиболее послѣдовательно первую точку зрѣнія провела англичанинъ Беллокъ, а вторую французъ Массисъ, причемъ каждый самъ позаботился привести свою теорію къ абсурду*). Беллоку пришлось наотмашъ отсѣкать католическую Германію отъ протестантской, Голландію разсматривать, какъ приживалку въ европейскомъ семействѣ и явно преувеличивать степень романизации Британіи, дабы не выбросить изъ Европы собственную страну. Что касается Массиса, то насчетъ Англій въ его книгѣ дѣло обстоитъ неясно, зато континентальная Европа кончается у него на Рейнѣ, западнѣе даже, чѣмъ проходила граница Римской имперіи, такъ что города, гдѣ родились Гете и Бетховенъ, его поклонникамъ придется отнести уже къ «Востоку» или къ «Азіи». Намѣренія обоихъ авторовъ самая благая: Беллоку хочется утвердить Европу въ христіанствѣ, Массису — защитить ее отъ недѣлаго азіатскаго попятія; но укрѣпленія они строятъ слишкомъ близко къ Риму и Парижу и отдають врагу слишкомъ много европейской земли. Оба, кромѣ того, подпадаютъ искушенію Европу опредѣлить и тѣмъ самымъ остановить, дать ей твердую, разъ навсегда очерченную форму. Бѣда въ томъ, что этимъ способомъ ее спасая, можно оказаться спасшимъ только трупъ

Остается послѣдній способъ дѣлить Европу, наиболее обоснованный, наиболѣе распространенный и потому заслуживающій наибольшаго вниманія. Сторонники его соглашаются признать единство романо-германскаго запада, но съ тѣмъ, чтобы еще рѣшительнѣе его отдѣлить отъ византійско-славянскаго

*) См. Hilaire Belloc «Europe and the Faith», Constable, London, 1920 и Henri Massis «Défense de l'Occident», Plon, Paris, 1927.

востока. Исторіософія, лежащая въ основѣ такихъ воззрѣній, одинаково усердно поддерживается по обѣ стороны ея же волдвигаемой перегородки. Отсюда (хоть и не только отсюда) ея устойчивость. На западѣ всегда были не прочь разсматривать византійско-славянскій міръ какъ не-европейскій, во всемъ противоположный единственно-европейскому западному міру; и на востокѣ Европы, точно такъ же, всегда было много желающихъ подписать этотъ приговоръ, съ той разницей, что козлицы и агнцевъ заставляли мѣняться сторонами, сохраняя однако между ними спасительное средостѣіе. Положеніе это аналогично тому, что создалось на самомъ западѣ, между его германской и романской половиной; однако не совсѣмъ: половиной эти, съ равнымъ усердіемъ, не переставали объявлять себя иѣлымъ, тогда какъ востокъ воплощеніемъ Европы себя никогда не объявлялъ, предоставляя это западу и тѣмъ самымъ какъ-бы отрекаясь отъ своего европейскаго бытія. Различіе это краснорѣчиво; чтобы подчеркнуть серьезность вопроса, его достаточно

Въ самомъ дѣлѣ, глубокой противоположности здѣсь ничто не станеть отрицать, и зависитъ она не отъ случайныхъ и блгопріобрѣтенныхъ несходствъ, а идетъ изъ самыхъ основъ, отъ самыхъ корней Европы. Если вся европейская культура построена на христіанствѣ и классической древности, то и христіанство, и классическая древность на ея западѣ не тѣ, что на ея востокѣ. Западъ вскормленъ Римомъ и той Греціей, что прошла сквозь Римъ; востокъ непосредственно питается греческимъ наслѣдствомъ и тѣмъ, что отъ Рима перешло въ духовное хозяйство Византійской имперіи. Восточное христіанство всѣмъ стилемъ своего богословія, благочестія, своего міроустроенія и своего искусства такъ глубоко отличается отъ западнаго, что при ихъ сопоставленіи различія внутри самого западнаго христіанства теряютъ всю силу и прогрессивизмъ начинаютъ казаться лишь однимъ изъ отвѣтвленій католичества. Энихъ противоположностей устранить нельзя, надъ ними всегда будетъ склоняться тотъ, кому не безразлична исторія и судьба Европы, и въ то же время не смягченіе, а какъ разъ углубленіе, продумываніе ихъ до конца, открываетъ болѣе глубокое, чѣмъ они и заключающее ихъ въ себѣ единство. Исканіе противоположностей тутъ оттого и плодотворно, что онѣ видѣются на общемъ фонѣ, безъ котораго ихъ нельзя было бы и уловить. Какъ сопоставленіе отдѣльныхъ нашихъ тѣмъ болѣе имѣетъ смысла, чѣмъ онѣ тѣснѣе связаны между собой, — вслѣдствіе чего мы противопоставаемъ китайца японцу, англи-

чаина французу, а не венгерца испанцу, и не араба лопарю, — так и въ отношеніи болѣе широкихъ единствъ возможность осмысленнаго ихъ противоположенія убываетъ по мѣрѣ возрастанія ихъ чуждости другъ другу, въ чемъ можно убѣдиться, попытавшись сравнить западъ Европы не съ ея востокомъ, а, напримѣръ, съ Китаемъ и Японіей. Сравненіе возможно и тутъ, поскольку въ обоихъ случаяхъ передъ нами человѣческія культуры, а не общества пчелъ или муравьевъ, но результаты его будутъ бѣдны и мало интересны. Противоположности нѣтъ, тамъ, гдѣ нѣтъ единства, и она отнюдь не означаетъ раздѣленія. Если западъ и востокъ Европы хотя бы считаютъ себя совершенно раздѣльными культурами, имъ нужно окончательно отдѣлить Грецію отъ Рима, вопреки ихъ подлинной судьбѣ, однимъ взять Virgilіа, другимъ — Гомера, однимъ присвоить себѣ философовъ, другимъ — юристовъ, и затѣмъ точно такъ же раздѣлить христіанство на двѣ отдѣльныя религіи, т. е. раздвоить Христа, а на все это, на западъ, какъ и на востокъ, не согласится ни гуманистъ, ни просто историкъ и меньше всего можетъ согласиться христіанинъ. Всѣ они, если откажутся отъ привычныхъ предразсудковъ, увидятъ, наоборотъ, въ противоположностяхъ — и какъ разъ въ наиболѣе трагическихъ изъ нихъ — самое глубокое выраженіе великаго духовнаго богатства общей имъ всѣмъ сѣверно-южной, западно-восточной родины.

Существуетъ однако и другое пониманіе этой мнимой несомѣстности европейскихъ запада и востока, и такъ какъ оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Россію, то и разсматривать его нужно въ примѣненіи именно къ ней. Заключается оно въ томъ, что и христіанство, и наслѣдіе древности объявляютъ чѣмъ то для Россіи несущественнымъ, наноснымъ и во всякомъ случаѣ принявшимъ тамъ совершенно новыя, неизвѣстныя Европѣ формы; европейская и азіатская Россія образуютъ вмѣстѣ особый міръ, чуждый Западу, рѣзко отдѣленный отъ него, широко раскрытый только Азій. Взгляды этого рода раздѣлялись нерѣдко западными людьми, вродѣ французскаго архитектора Виолле-ле Дюка, построившаго нѣкую теорію въ серединѣ прошлаго вѣка на мнимомъ родствѣ храма Василія Блаженнаго съ индійскою пагодою; въ рудиментарномъ видѣ они даже составляютъ до сихъ поръ основу народныхъ представленій Запада о Россіи, какъ о странѣ волковъ, метелей, кнута и азіатскихъ кочевниковъ, именуемыхъ казаками. Русскимъ несравненно болѣе освѣдомленнымъ сторонникамъ этихъ теорій можно напомнить, что если называть Евразіей Россію, то ужъ, конеч-

но, съ немалымъ правомъ можно называть Испанію Еврафрикой. Геологически, какъ извѣстно, Пиринейскій полуостровъ составляетъ часть африканскаго материка, да и по сей день Гибралтарскій проливъ гораздо меньше отдѣляетъ его отъ Африки, чѣмъ высокій горный хребетъ отъ Европы. Древнѣйшее населеніе его, иберы — выходцы изъ Африки, родственные берберамъ. Что же касается Чингисханова культуртрегерства, постулируемаго для Россіи, то и сами евразійцы согласятся должно быть признать культуртрегерство Омейядовъ и болѣе безспорнымъ и болѣе длительнымъ. Остается поэтому объявить Сила, а за одно и Донъ-Кихота національными героями ливійскихъ кочевыхъ племенъ, а создавшую ихъ страну — начисго исключить изъ европейскаго культурнаго круга. Любопытно, что и въ самой Испаніи есть хоть и не еврафриканцы, но иберы, склонные совершенно серьезно разсматривать Пиринеи какъ непреодолимую преграду между Веласкесомъ и Хальсомъ, Донъ-Жуаномъ и Гамлетомъ, Санчо и Фальстафомъ, и видѣть въ своей странѣ надухо въ себѣ замкнутый культурный міръ, не додумавшись они только до того, чтобы распространять этотъ міръ на всю географически однородную территорію между Пиринеями и Атласомъ. Никто не отрицаетъ, конечно, что вліяніе Востока (а не внутреннее съ нимъ родство) играло немалую роль въ исторіи Россіи, и особенно Испаніи. Семь вѣковъ арабской культуры не то, что два вѣка Золотой Орды. Въ испанскомъ характерѣ, въ испанскихъ нравахъ, въ испанскомъ искусствѣ и даже въ испанской мистикѣ больше восточныхъ чертъ, чѣмъ въ русской жизни и культурѣ, что не мѣшаетъ Испаніи, какъ и Россіи, оставаться Европой: Сервантесъ не мавръ, а Пушкинъ не монголъ. Къ тому же въ до-петровской Руси можно подмѣтить черты не только не восточныя, но болѣе западныя (и сѣверныя), чѣмъ въ одновременной исторіи грековъ или южныхъ славянъ. Для этого достаточно перечестъ «Русскую Правду» и «Слово о полку Игоревѣ», взглянуть на государственныи и правовой бытъ Киевской и Владимірской эпохи, приоткрыться къ новгородскимъ иконамъ и орнаментированнымъ рукописямъ XIV-го и XV-го вѣковъ, къ шатровымъ храмамъ: подъ Москвою, къ деревянной архитектурѣ русскаго сѣвера. Новгородскія и псковскія земли больше Россія, чѣмъ Казань или Уфа, Кіевъ очень не на много восточнѣе Петербурга, и изъ Москвы къ Балтійскому морю ближе путь, чѣмъ на Индійскій или Тихій океанъ...

Отдѣлять Россію отъ Европы можно, наконецъ, и еще однимъ способомъ, мало замѣчавшимся до сихъ поръ, потому,

должно быть, что у насъ онъ былъ привилегіей западниковъ, «русскихъ европейцевъ». Состоитъ онъ въ неустанномъ подчеркиваніи нашей отсталости и притекающаго изъ нея несходства съ Европой, изъ чего дѣлается выводъ о необходимости ее догнать, сдѣлаться, какъ двѣ капли воды похожими на нее. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія современнаго Запада, многія черты русской культуры слѣдуетъ признать архаическими, отсталыми: архаически-патріархальнымъ было то самое въ русскомъ быту, о чемъ до сихъ поръ съ восторгомъ вспоминаютъ иностранцы, побывавшіе въ Россіи; архаической (лѣсенно-ладовой) была русская музыка, отчего ей и случилось обновить своимъ влияніемъ музыку Европы, архаическимъ остается до сихъ поръ и самъ русскій языкъ, чѣмъ и объясняются его сѣбжесть и конкретность, завидныя для французовъ или англичанъ, утраченное ими богатство внутренняго строенія, которое приближаетъ его къ греческому и латинскому языкамъ, на которыхъ воспиталась европейская культура. Сокрушаются по поводу такого рода отсталостей могутъ лишь тѣ, кто вѣритъ въ прямолинейный прогрессъ, по принципу чѣмъ дальше, тѣмъ лучше; нѣ это какъ разъ большинство нашихъ западниковъ и вѣрило. Имъ очень хотѣлось сдѣлать Россію Европой, но они упорно забывали, что Россія уже Европа; для нихъ она была лишь неопредѣленнымъ чѣмъ-то, подлежащимъ европеизаціи. Европейскую культуру они представляли себѣ, какъ неорганическую совокупность всяческихъ разумностей, полезностей, гуманностей, т. е. какъ «просвѣщеніе», какъ цивилизацію вообще, а, слѣдовательно, имъ пристало бы съ тѣмъ же успѣхомъ проповѣдывать ее индусамъ, китайцамъ, или хотя-бы готтентомамъ. Одна изъ причинъ русской трагедіи заключается въ томъ, что думавшіе о судьбахъ страны раздѣлились на тѣхъ, кто понималъ и Россію и Европу, но не хотѣлъ ихъ сближенія, и на тѣхъ, кто сближенія хотѣлъ, но не понималъ, съ чѣмъ собственно и ради чего слѣдуетъ сближаться. У славянофиловъ былъ даръ историческаго созерцанія и національнаго чувства, у западниковъ — воля, которую вдохнулъ въ нихъ Петръ. Враги Петра были правы, обвиняя его въ насиліи надъ Россіей, которую онъ посылалъ въ предносившуюся ему, бездушную, почти уже американскую Европу, какъ выдвигенца на рабфакъ; но его воля была все таки праведной волей, и онъ прорвался съ Россіей не куда-нибудь, наугадъ, а именно туда, куда ее влекло уже долгое ея прошлое. То, что онъ совершилъ, было величайшимъ событіемъ въ исторіи европейскаго единства великимъ поворотомъ ея востока къ ея западу. На основа-

ніе Константинополя, черезъ четырнадцать вѣковъ, онъ отвлѣгиль основаніемъ Петербурга.

2.

Вопросъ о Россіи и Европѣ — совсѣмъ не только русскій вопросъ, хотя нигдѣ онъ съ такой болѣзненной остротой не ставился, такъ судорожно не обсуждался, какъ въ Россіи. Очень вѣрно ощущали его у насъ какъ вопросъ жизни и смерти, какъ основной вопросъ нашего историческаго бытія. Предлагавшіяся рѣшенія его, однако, были таковы, что нелѣпой крайностью, односторонностью своей, они только дѣлали его неразрѣшимымъ. вмѣсто осознанія Россіи, какъ органической составной части Европы, отъ нея временно отдѣленной и имѣющей вернуться въ ея лоно, сохраняя при этомъ свою особенность, свое неповторимое лицо, у насъ стремились либо закрѣпить навсегда ея отдѣльность, либо совершить непоправимый отказъ отъ ея особой судьбы, отъ исторической ея личности. Революцію, въ совѣтской ея формѣ, роковымъ образомъ унаслѣдовала она отрицанія, вытекающія изъ этихъ рѣшеній: отрицаніе Европы, отъ которой она Россію отторгла, и отрицаніе Россіи, которой она навязала глубоко ей чуждый поздне-европейскій или, лучше, послѣ европейскій американствующій бездушный техницизмъ *). Это двойное насиліе, совершенное надъ нами, надъ нашей собственной общею душой, неволью кажется намъ только нашимъ, потому что слишкомъ нашимъ дѣломъ; но крушеніе Россіи, духовное уничтоженіе ея, даже (или особенно) если оно въ будущемъ не исключитъ матеріальнаго ея могущества, не можетъ быть безразличнымъ для Европы, именно потому, что Россія часть ея самой. Лишившись Россіи, она лишится источника обновленія, нужнаго ей теперь, какъ никогда, единственной страны, своей «отсталостью» способной ее омолодить, своей своей чуждостью напитать, потому что эта чуж-

*) Это одновременное движеніе послѣреволюціонной Россіи отъ Европы и къ Европѣ (противорѣчіе, снимаемое тѣмъ, что Европа въ обоихъ случаяхъ не та-же самая) очень точно отмѣчено въ книгѣ Арнольда Тойнби (A. J. Toynbee. A Study of History. — University-Press, Oxford, 1934), самой замѣчательной работѣ по феноменологии культуры, какавъ была написана послѣ Шпенглера (вышло три тома, обѣщаны еще десять)

дость не такая уж чужая, потому что эта отсталость ей напомнить ей собственную молодость. Но мало того, Россія за послѣдніе вѣка была средоточіемъ всей восточно-христіанской, славяно-византійской традиціи; утратить ее, это значить для Европы окончателно замкнуться въ свое половинчатое, только западное бытіе, отказаться навсегда отъ полноты своей исторической жизни, своего духовнаго міра, своей религіи. Но и это еще не все. Рѣчь вѣдь идетъ не только о томъ, чтобы этого всего лишиться, но еще и о томъ, чтобы получить взамѣнъ со вѣтскую Америку, карикатуру на Западъ, огромную лабораторію, гдѣ подкармливаются на скорую руку микробы европейскаго разложенія. Ничто такъ не нужно Европѣ, какъ понять, что воссоединеніе ея запада и востока такъ же насущно для нея, какъ и для насъ, что мы и она — одно, что судьба Россіи — ея собственная судьба. Но Европа этого не понимаетъ.

Не понимаетъ она, не только вслѣдствіе несчастнаго своего познанія Россіи но еще и потому, что рационалистическое мышленіе не даетъ ей вникнуть въ истинную структуру великихъ историческихъ единствъ. Чтобы ее себѣ вѣрно представлять, не обходимо помнить прежде всего, что единства такого рода строятся во времени, что Европа, какъ и ея составныя части, не есть лишь «мѣсторазвитіе» (пользуясь евразійскимъ терминомъ, обнаруживающимъ сущность евразійскаго заблужденія), а есть духовно тѣлесное цѣлое, безъ тѣла, — т. е. территоріи, «мѣста», — невысказанное, но чье развитіе вовсе не детерминировано имъ. Представлять себѣ культуру Европы или одной изъ ея частей, напримѣръ, Россіи, совершенно независимой отъ той почвы, на которой она родилась и цвѣла, чьи соки ее питали, чей обликъ еще живетъ въ созданныхъ ею образахъ, значить превращать ее въ абстрактную цивилизацію; но представлять ее себѣ всецѣло предопредѣленной какъ бы химическимъ составомъ этой почвы, или, въ болѣе прямомъ смыслѣ, ея географическими свойствами, значить материализовать и во всякомъ случаѣ снижать понятіе культуры, видѣть въ ней только продуктъ социальной механики или биологіи. Когда Европа начиналась въ своемъ крайнемъ юго-восточномъ углу, на островахъ греческаго моря, въ греческихъ городахъ на азіатскомъ берегу, она была уже Европой, какъ зародышъ — въ потеплѣніи — взрослый человѣкъ. Но и не только такъ; сравненіе это недостаточно. Духовное единство Европы слѣдуетъ уподобить не столько единству человѣческой особи, сколько единству человѣческой души, частью которой можетъ стать и то, что вовсе не было въ нее заложено при рожденіи. Въ единство Европы

вошли, кромѣ Греціи, и Римъ, и самый подлинный Востокъ, въ образѣ іудейскихъ элементовъ христіанства, и въ лицѣ самого іудейства, котораго уже не вырвать изъ Европы, даже если всѣ евреи пожелаютъ переселиться на старую свою родину. Въ нее вошло все то, что принесли съ собой новые народы, вошедшіе въ исторію ея послѣ паденія Римской имперіи, и въ нее можетъ еще многое войти, о чемъ мы не догадываемся сейчасъ, въ процессъ ея распространенія по земному шару. Она процвѣтала нѣкогда на скифскомъ берегу Чернаго моря, и въ болѣе близкія времена кратковременно, но ярко и очень по особенному пѣла въ далекой сѣверной Исландіи. Она двигалась съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ, переплыла океанъ, нашла новое «місторазвитіе» на огромномъ новомъ континентѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не забыла о своемъ прошломъ, она могла потерять земли, но не души, принадлежавшія ей когда-нибудь, и у нея есть гибкія, переменчивыя, раздвигающіяся, но все-таки границы.

Любопытно, что наиболѣе продуманныя исторіософскія системы, рѣзко отдѣляющія западно-европейскую культуру отъ восточно-христіанской, не менѣе опредѣленно отдѣляютъ отъ обѣихъ греко-римскій міръ. Такъ поступаютъ, въ частности, и Шпенглеръ, и Тойнби, такъ они, можно сказать, и вынуждены поступать, ибо византійско-русскую Европу связываетъ съ Западомъ прежде всего общее прошлое ихъ культуры, и чтобы отрицать эту связь, надо отъ нихъ отдѣлить ихъ прошлое. Шпенглеръ дѣйствуетъ тутъ наиболѣе рѣшительно. Онъ конструируетъ замкнутую въ себѣ античную культуру, во всемъ отличную отъ западной «фаустовской» и отдѣленную отъ нея тысячелѣтнимъ царствомъ третьей, чрезвычайно искусственно (хоть и искусно) построенной «магической» культуры, включенной ранее христіанство, Византію, Исламъ, вслѣдствіи чего Россія оказывается совершенно обособленной, не связанной съ фаустовской Европой ни античностью, ни даже христіанствомъ, которое распадается на три вполне разобщенныхъ между собой формы: магическую, фаустовскую и еще не развитую русскую. Несравненно болѣе пріемлемымъ, чѣмъ это насильственное построеніе (въ которомъ многое увидно однако съ долготой неизвѣстной осиротой), представляется то, которое предлагаетъ Тойнби; тутъ связи не разрываются совсѣмъ, а только ослабляются; западно-европейская культура и восточно-христіанская обѣ находятся въ отношеніи къ античной на положеніи дочерей и приходятся другъ другу сестрами; онѣ не продолжаютъ непосредственно античности, а только наследуютъ ей

(как и христианству) и развивают наследіе въ разныхъ направленіяхъ. Формулировка эта умна и осторожна, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ спросить Тойнби, такъ ли ужъ разны направленія, о которыхъ онъ говоритъ, дѣйствительно ли расходятся они несомнѣнно больше, чѣмъ направленія, въ которыхъ развиваютъ античное наследіе Англія и Італія, сѣверъ и югъ ея Европы. Что же касается разсужденій о наследованіи, а не продолженіи, то они грѣшатъ характернымъ для англійскаго историческаго мышленія социологизмомъ. Культура для Тойнби лишь форма общества (его книга различаетъ двѣ категоріи общественныхъ сюзовъ: примитивныя общества и культуры); онъ забываетъ, что культура, не будучи въ состояніи безъ своего носителя, общества, возрасти, можетъ тѣмъ не менѣе это общество перерасти и тѣмъ самымъ содѣйствовать образованію болѣе широкихъ обществъ. Онъ забываетъ, что можно съ болѣе широкимъ правомъ говорить о греко-римской культурѣ, чѣмъ о греко-римскомъ обществѣ: общество въ значительной мѣрѣ продолжало быть римскимъ на западѣ имперіи и греческимъ на ея востокѣ, но обѣ ея половины обладали единой культурой, хотя единство это не было одинаково реальнымъ для всѣхъ ея обитателей. Единство культуры стремится создать и единство общества, хотя воплоти этого и не достигается. То-же самое можно сказать о единствѣ западной Европы въ новое время; культура и тутъ опережаетъ общество въ направленіи единства, и если представить себѣ фантастическій случай полнаго отдѣленія европейскихъ націй другъ отъ друга, то еще очень долго каждая изъ нихъ жила бы обшею имъ всѣмъ европейскою культурой, хотя ихъ совокупность и не составляла бы никакого общества. Для каждой изъ нихъ Шекспиръ или Гете (по крайней мѣрѣ въ потенціи) были бы своими, точно такъ же, какъ для насъ теперь тексаметры Гомера еще живутъ, какъ почти три тысячи лѣтъ тому назадъ. А если такъ, то гдѣ же граница между наследованіемъ и продолженіемъ? Въ томъ духовномъ мірѣ, къ которому относится культура, ея нѣтъ. Культура живетъ, хоть умерли и отцы ее создавшіе, и дѣти, наследовавшіе имъ; она будетъ жить, пока есть люди на землѣ способные ее воспринять и ее продолжить.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, что любая часть человѣчества способна воспринять и продолжить любую изъ человѣческихъ культуръ. Европейская проявила до сихъ поръ едва ли не сильнѣйшую способность къ расширенію своихъ границъ, однако никто не можетъ сказать, будетъ ли само это расширеніе безграничнымъ. Во всякомъ случаѣ, процессъ это длитель-

ный и сложный, подобный не обученію, не приобрѣтенію знаній и умѣній, а совсѣмъ другому: воспитанію. Газеты и коммюажеры разсказываютъ намъ, что европейская культура давно уже распространилась по всему земному шару. Но скольконибудь серьезный наблюдатель знаетъ, что это не такъ, потому что не смѣшиваетъ вліяніе христіанства съ вліяніемъ киноматографа и пониманіе Шерлока Хольмса съ пониманіемъ Флуста и Парсифаля. Умѣніе японцевъ изготовлять электрическія лампочки и тяжелые снаряды быть можетъ разрушить рано или поздно ихъ собственную, нѣкогда великую, культуру, но къ европейской ихъ не присоединить. Распространеніе по всему міру техники и даже самой науки (разсматриваемой не какъ творчество, а какъ интеллектуальная техника и технической интеллектъ) только тогда будетъ равнозначно его европеизаціи, когда сама Европа окончательно утратитъ свою культуру, замѣнивъ ее утилитарно-разсудочнымъ «просвѣщеніемъ». Но въ этомъ случаѣ о Европѣ въ нашемъ смыслѣ уже не придется говорить. Будущее Европы именно и зависитъ отъ того, сумѣетъ ли она все дальше расширять свои границы, не теряя себя, не отрекаясь отъ своей души, не соблазняя чуждые ей народы тѣми отравками, которыми наполовину уже отравлена она сама. Остановиться она не можетъ; замкнуться въ себя — это значитъ отсрочить смерть и продолжить умираніе; остается собрать всѣ силы, если это еще возможно, и отдать ихъ міру, чтобы въ немъ жить самой.

Будущее Европы — Россія и Америка; страна, вѣками отдѣленная отъ нея и сохранявшая неиспользованныя еще европейскія возможности; страна завоеванная, ассимилированная ею, куда ей было всего легче продлиться и прорасти. Опасность какой подвергается это будущее, легко понять, если вспомнить о культурномъ состояніи совѣтской Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Обѣ страны поражены наиболѣе крайней формой утилитарно-техническаго идолопоклонства, какъ что всѣ отличія рядомъ съ этимъ отступаютъ на второй планъ. Въ Россіи идолу принуждаютъ поклоняться, въ Америкѣ поклоняются ему свободно; первое — страшнѣй, но второе, пожалуй, еще безвыходнѣй. Тѣмъ не менѣе и въ Америкѣ есть огромные запасы доброй воли, здоровья, вѣры въ себя и даже вѣры въ продолженіе Европы, которому противится только нелѣпое противопоставленіе себя Европѣ, стремленіе оторваться отъ нея, ради какой-то сплошь и наотрѣзъ американской, не-европейской сверхъ-Америки. Никакого культурнаго содержанія въ американствѣ нѣтъ; больше того, въ культурномъ отношеніи

Америка не может быть сочтена одной из европейских наций; она лишь продление двух таких наций, — иберийской на юг, англо-саксонской на север. Рубенъ Дарио — испанскій поэтъ, хотя его поэзія многимъ обязана впечатлѣніямъ Венецуэлы и вообще южно американскаго континента. Мексика и Перу хранятъ великолѣпныя произведенія не мексиканской и перуанской, а вполне испанской архитектуры, не лишенной однако особаго оттѣнка. Въ Соединенныхъ Штатахъ были и есть писатели, принадлежащіе англійской литературѣ (настолько даже, что многіе изъ нихъ, какъ Генри Джемсъ, предпочли переселиться въ Англію, или, какъ въ наше время Т. С. Эліотъ, тамъ натурализоваться), а также писатели уже не совсѣмъ принадлежащіе ей, но не потому, чтобы они вошли въ мнимонациональную американскую литературу, а потому что они пошли навстрѣчу тому, не одной Америкой порожденному, американизму, что подрываетъ основы европейскаго духовнаго бытія. Мельвилъ или Эмерсонъ — англійскіе писатели, Уистлеръ — типично англійскій художникъ, хотя, конечно, у англійской литературы въ Америкѣ есть свои «колониальныя» особенности, параллельныя тѣмъ, что отличаютъ, напримѣръ, испанскихъ или африканскихъ писателей Римской имперіи отъ италійскихъ, островное или малоазійское греческое искусство, отъ аттическаго. Въ томъ то и дѣло, что Америка не можетъ остаться въ составѣ европейской культуры, измѣнивъ своей англо-саксонской или иберийской родиной, потому что Европа — не смѣсь, а сочетаніе націй, и Америка связана съ нею національными корнями двухъ своихъ столь разныхъ и все же въ своемъ европействѣ встрѣчающихся культуръ. Развѣ Руссо — швейцарскій писатель? Развѣ, если Сибирь объявить себя независимымъ государствомъ, тамъ произрастетъ какая-то не-русская, а сибирская литература, живопись, духовная жизнь? Развѣ политическая связь доминируетъ съ Англійей ставитъ ихъ въ совсѣмъ иное культурное отношеніе къ ней, чѣмъ то, въ какомъ находятся Соединенные Штаты? На самомъ дѣлѣ, и въ Австраліи, и въ Канадѣ сожителствуютъ двѣ разныя культуры, одна англійская, хоть и съ особымъ оттѣнкомъ, другая — не австралійская вовсе, и не канадская, а все та же американская въ нарицательномъ смыслѣ слова, такая же противоевропейская, стандартная цивилизація, какъ та, что насаждается сейчасъ въ СССР и развѣдаетъ изнутри душу самой Европы.

Границы Европы въ современномъ мірѣ отдѣляютъ ее, какъ и прежде, отъ до-культурныхъ или послѣ-культурныхъ «приимитивовъ» и отъ дряхлѣющихъ культуръ ближняго и дальняго

Востока, но все же ихъ главное назначеніе — отдѣлять ее отъ той бездушнѣй и бездуховной цивилизаціи, что надвигается ей на смѣну. Она не можетъ однако, какъ не могла никогда, безъ опасности для своей жизни, сдѣлать эти границы неизмѣнными, неподвижными, окопаться въ уже данномъ, укрыться за бастіо нами собственнаго прошлаго. Спасеніе ея въ неустанномъ, осмотрительномъ, постепенномъ расширеніи своихъ границъ, въ европеизаціи всего, что можно европеизировать и прежде всего того, что заново откололось отъ Европы, всего, что только цивилизовалось, всего, что внутри нея самой измѣнило ея смыслу и ея призванію. Если Европа не погибнетъ, если не уступить враждебнымъ ей силамъ, если трусливо не замкнется во все то, чѣмъ она была, ея границы совпадутъ когда-нибудь съ границами человѣческаго рода. Тогда исполнятся чаянія древнихъ и надежды христіанъ. Тогда можно будетъ говорить о культурѣ (а не о культурахъ) всего человѣчества. Тогда, но не раньше. Границы Европы можно раздвинуть, но перепрыгнуть ихъ нельзя, и произвольно ихъ разрушать, преждевременно объявлять ихъ отмѣненными, это значитъ міра не получить, а только погубить нашу память и надежду, нашу древнюю родину, кормилицу нашихъ душъ, Европу.

В. Вейдле.